

КАК ГОГОЛЬ ОТНОСИЛСЯ К ПОНЯТИЮ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ» И ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ОН НЕ ЛЮБИЛ ПРОСВЕЩЕНИЕ?

Е.Е.Дмитриева

(кандидат филологических наук, доцент,

Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН)

У статті досліджуються причини зміни характеру використання Гоголем слова «цивілізація», а також його ставлення до поняття «просвіта», що нерідко застосовувалося в гоголівські часи як синонім цивілізації, але яке Гоголь полемічно їй протиставляє.

The paper studies the evolution of using by Gogol of the concept Civilization as well as his perception of the Enlightenment (Prosvetchenie) which was frequently used in Russia at the beginning of the 19th century as Russian synonym of Civilization. As for Gogol, he sets of the two concepts finding in the Enlightenment the sources of the Russian idea hostile to the idea of Civilisation.

«Голкуют — просвещенье, просвещенье,
а это просвещенье — фук! Сказал бы
и другое слово, да вот только что за столом неприлично»
Н.В. Гоголь. «Мертвые души»

Слово цивилизация, равно как и скрывающееся за ним понятие, не относится к наиболее часто употребляемым Гоголем, но тем интереснее та мутация и трансформация, что происходит, как только Гоголь решает употребить этот столь дебатированный в его время концепт (1,29-59; 2,5-53). Собственно, задачей настоящей статьи и будет выяснение причины изменения характера использования слова у Гоголя, а также его отношения к во многом синонимичному *цивилизации*, а на самом деле, антитетичному ему понятию *просвещения*.

Наиболее ранние случаи употребления Гоголем слова «цивилизация» относятся к 1834 – началу 1835 гг. Так, в Конспекте книги Г. Галлама «Европа в средние века» он, явно под воздействием оригинала, употребляет галлицизм «цивилизация», в значении – как о том можно судить по контексту - «образование», «просвещение»: *О<ст>готы, у которых цивилизация раньше начала двигаться, прежние оставляли обыкновения свои <и> принимали римские законы* (3, т.9,173). Ср. там же: *Высушка болот, вырубка лесов, пагубные для животных, были запрещаемы, и от <того> земледелие, а с ним и цивилизация не двигались* (3, т.9, 267). Аналогичный смысл Гоголь вкладывает в словосочетание *остатки римской цивилизации* в конспекте «Состояние франков под начальством королей»: *Тогда северо-западною частию Галлии владели арморикане и бретоны, прежние данники римлян; середина Галлии, между Сеной и Лоарой, где заметны были остатки римской цивилизации...* (3,т.9, 125). Примечательно, что в чуть ранее написанной статье «Шлецер, Миллер и Гердер» (март-апрель 1834 г.), где на Гоголя, в отличие от предыдущего случая, подспудно не воздействовал текст французского оригинала, слово «цивилизация», будучи употреблено в рукописи, заменяется в печатной редакции словом «образованность»: *Заметно даже, что он охотнее занимается временами первобытными и вообще теми эпохами, когда народ еще не был подвержен образованности* (в рукописи: *цивилизации*) *и порокам, сохранял свои простые нравы и независимость*» (4,124, 390). Отметим уже здесь любопытную деталь. Если в предыдущих случаях (в конспектах) употребление слова *цивилизация* у Гоголя носит вполне нейтральный характер, то в оригинальной его статье *цивилизация*, как и *образованность*, рифмуется с *пороками*.

Лишь десятилетие спустя Гоголь вновь употребит слово, правда теперь уже в глагольной форме – в письме к А.О. Россету от 11 февраля 1847 г., и вновь, казалось бы, в нейтральном значении (*цивилизировать*, то есть образовать, или просветить): *Мне нужны не те книги, которые пишутся для добрых людей, но производимые нынешнею школою литераторов, стремящуюся живописать и цивилизовать Россию. Всякие петербургские и провинциальные картины, мистерии и прочие* (3,т.13,211).

Всего лишь несколько месяцев отделяет это письмо от другого, написанного из Остенде В.Г. Белинскому в конце июля — начале августа (н. ст.) 1847 г., где Гоголь, казалось бы, неожиданно, объявляет войну и самому слову «цивилизация», и тому понятию, которое за ним скрывается, и смысл которого его современникам, как он считает, остается непонятным: *Вы говорите, что спасенье России в европейской цивилизации. Но какое это беспредельное и безграничное слово. Хоть бы вы определили, что такое нужно разуметь под именем европейской цивили<зации>, которое бессмысленно повторяют все.*

Тут и фаланстерьен, и красный, и всякий, и все друг друга готовы съест, и все носят такие разрушающие, такие уничтожающие начала, что уже даже трепещет в Европе всякая мыслящая голова и спрашивает невольно, где наша цивилизация? И стала европейская цивилизация призраком, который точно <никто> покуда не видел, и ежели <пытались ее> хватать руками, она рассыпается. И прогресс, он тоже был, пока о нем не думали, когда же? стали ловить его, он и рассыпался (3, т.13, 438).

Сравни в том же письме великому критику: *Вы говорите, что Россия д<олго и напрасно моли>лась. Нет, Россия м<олилась не напрасно. К>огда она молилась, то она спаса<лась. О>на помолится в 1612, и спаслась от поляков; она помолится в 1812, и спаслась от французов. Или это вы называете молитвою, что одна из сотни [тысячная] <молится>, а все прочие кутят, сломя голову, с утра до вечера на всяких зрелищах заклады<вая> последнее свое имущество, чтобы насладиться всеми комфорта<ми>, которыми наделила нас эта б<естолковая?> европейская цивилизация? (3, т.13, 443)*

Эволюция, произошедшая в отношении Гоголя к слову и стоящему за ним понятию, с середины 1830-х к концу 1840-х гг. очевидна: «цивилизация», поначалу понятая им как «образование», «просвещение», получает устойчивое определение «европейская» и отчетливо начинает рифмоваться с «прогрессом» и «комфортом», понятиями более материального, нежели духовного плана. Впрочем, эволюцию эту неправильно было бы определять как сугубо временную: и в 1830-е, и в 1840-е гг. Гоголь все же колеблется, как мы видели, между позитивным и пейоративным значением понятия, хотя, разумеется, негативный аспект отчетливо возобладает в 1840-е гг.

Подобное колебание Гоголя отнюдь не случайно, но теснейшим образом связано с историей проникновения слова «цивилизация» в русский язык и тех разных культурных и языковых коннотаций, которые оно за собой повлекло.

Известно, что слово цивилизация (*civilisation*), восходя к латинскому *civilitas* (что означало: *превращение криминального процесса в гражданский*, но также и *высокое состояние нравов и уровня жизни в государстве*), во французском языке получило право гражданства лишь в XVIII в. Впрочем, другие производные от *civilitas* - французское *civil* (вежливый, утонченный, благородный) и глагол *civiliser* (улучшать нравы), употреблялись во Франции уже начиная с XVI в. (2, 7-8). И все же первым текстом, в котором зафиксировано употребление слова цивилизация, был трактат Мирабо-старшего «Друг человечества»: *La religion est sans contredit le premier et le plus utile frein de l'humanité; c'est le premier ressort de la civilisation*» (5, 5), что на русский язык можно было бы перевести как: *Религия безусловно есть первый и наиболее полезный тормоз человечества; она есть основная пружина цивилизации*. Впрочем, то, что Мирабо имел в виду, употребляя новое слово, было конечно не цивилизацией в нашем современном значении, но именно *улучшением (исправлением) нравов*, предпосылку чего, на самом гребне Просвещения – что характерно (!) – он видел в религии.

У Мирабо, употребившего слово не единожды, цивилизация приобрела множественное, мерцающее значение, трудно укладываемое в рамки какой-либо смысловой парадигмы. В «Друге женщин или трактате о цивилизации», по-прежнему понимая *civilisation* как *улучшение нравов*, он вносит уточнение: *улучшение нравов должно быть понято именно как повышение нравственности вообще, а отнюдь не как соблюдение внешних приличий* (ср.: *Если я спрошу у большинства, в чем полагаете вы существо цивилизации, мне ответят: цивилизация народа есть смягчение его нравов, урбанизм, вежливость и знания, распространяемые таким образом, что приличия соблюдаются и заменяют предписанные законы: все это мне представляется лишь маской добродетели, а не ее истинным лицом, и цивилизация ничего не делает для общества, если только она не придает ему истинные основы и формы добродетели* (6; цит. по: 2, 16; здесь и далее, кроме оговоренных случаев, перевод мой – Е.Д.). Одновременно Мирабо использует слово для обозначения этапов исторического развития человечества (то, что сейчас мы назвали бы различными культурно-историческими этапами развития человечества). В своем посвящении королю «Теории налогов» он пишет, например, о *примере всех Империй, предшествовавших нашей и которые прошли круг цивилизации (le cercle de la civilisation* (цит. по: 7, 40). Этот новый, исторический аспект, вносимый в понятие цивилизации, позволяет Мирабо первому употребить слово и во множественном числе, придав ему еще и дополнительное этнологическое значение (то есть почти современное). Так, в «Письме М.Б. автору «Эфемеридов»», он говорит о *barbarie de nos civilisations gothiques (варварстве наших странных (дословно: готических) цивилизаций)* (8, 41). В дальнейшем этот тип словоупотребления подхватывается П. Балланшем, сказавшем однажды, что *рабство существует лишь на обломках древних цивилизаций (débris des civilisations anciennes)* (цит. по: 2, 19).

Рифмовку *цивилизации* – на этот раз – с *просвещением*, особо отзовущуюся впоследствии в России, мы находим у Кондорсе в «Жизни Вольтера»: *Plus civilisation s'étendra sur la terre, plus on verra disparaître la guerre et les conquêtes* (9; цит. по: 2, 18), что на современный язык правильнее было бы перевести: *Чем*

более просвещение (дословно – *цивилизация*) *распространится на земле, тем меньше будет войн и завоеваний.*

С другой стороны, у барона Гольбаха и у Рейналя цивилизация понимается как *освобождение, обретение самостоятельности. Освобождение или, иначе говоря, цивилизация империи (la civilisation d'un empire) есть дело долгое и трудное*, - пишет Рейналь в «Философической и политической истории о Заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях» (10,27) Виктор Кузен в «Курсе истории современной философии» идет еще дальше, отождествляя цивилизацию с прогрессом: *Что есть прогрессивное развитие человеческого рода в истории? Цивилизация* (11,24).

Отметим здесь противоречивость использования понятия цивилизация в эпоху Просвещения во Франции: сама идея прогресса, непрерывного совершенствования, все более вносимая, как мы уже видели, в понятие цивилизации, совершенно не сочеталась с более исконным, ранним пониманием *civilisation* как вежливости (*civilité*), подразумевавшим, в сущности, некое фиксированное состояние, противостоящее варварству.

Но еще более интересно то, что в определенный момент эти два разноречивых понимания соединились весьма примечательным образом: начиная с XIX в. во французской традиции цивилизация начинает пониматься как универсальный идеал человечества, противостоящий варварству, в результате чего статика сопрягается с динамикой, а само понятие лишается национальной и временной прикрепленности. *Изучая историю, нельзя не проникнуться убеждением, что все главные события ведут в ней к одной цели – повсеместному воцарению цивилизации (même but, la civilisation universelle)*, - пишет г-жа де Сталь в трактате «О литературе, рассмотренной в ее отношениях с социальными институтами» (12,149; 13,187).

Примечательно, что во Франции мы гораздо реже встречаем размышления о французской цивилизации, чем о цивилизации вообще, хотя при этом подразумевается, что цивилизация и есть миссионерская задача Франции как центра – выражаясь современным языком – европейской культуры (2,24-25). Ф. Гизо в своем известном труде «История цивилизации в Европе» откровенно выражает данную мысль: *Нет почти ни одной великой идеи, ни одного великого начала цивилизации (grand principe de civilisation), которые не прошли бы сначала по французской почве раньше, чем получить повсеместное распространение* (14,17; 15,5). Тем самым, можно сказать, что универсализм французской цивилизаторской идеи соединился с национальной идеей двояко: 1) национальное было поднято до универсального, 2) а французская нация почувствовала себя протагонистом универсальной идеи прогресса, прямой наследницей античных Афин и Рима в своей борьбе за идею человечества. Приведем в заключение слова Куртиуса, писавшего: *Слово цивилизация есть для француза палладию его национальной идеи и одновременно гражданство всечеловеческой солидарности* (16,4).

Заимствованное из французского языка и получившее распространение с середины 1780-х гг., в Германии слово *цивилизация (Zivilisation*, нередко писалось на французский манер как *Civilisation*), использовалось поначалу как синоним культуры. Первым отчетливое разграничение ввел И. Кант в 1784 г.: *Идея нравственности относится к культуре, однако применение этой идеи, которое сводится только к подобию нравственного в любви к чести и во внешней пристойности, составляет лишь цивилизацию* (17,65). Окончательно же понятия культура и цивилизация из синонимов в антонимы превращает в 1815 г. Песталоцци в своем духовном завещании «An die Unschuld, den Ernst und den Edelmuth meines Vaterlandes», принципиально разведя понятия: цивилизация относится у него к сфере деятельности масс, к сфере механического, в то время как культура покоится на индивидуальности. Цивилизация чувственна (цивилизованный человек, по Песталоцци, любит блеск, видимость), в то время как культура – духовна (18,12). Подобное же различие двух понятий встречается в это же время и у В. Гумбольдта – с той только разницей, что в отличие от Песталоцци для Гумбольдта культура и цивилизация не представляют собой противоречия, но скорее различные ступени на пути к образованию (*Bildung*). Цивилизация – это внешние установления, обычаи. Культура же обогащает цивилизацию искусством и наукой: *Die Civilisation ist die Vermenschlichung der Völker in ihren äusseren Einrichtungen und Gebräuchen <...> Die Cultur fügt dieser Veredlung des gesellschaftlichen Zustandes Wissenschaft und Kunst hinzu* (19,XXXVII) (*Цивилизация есть очеловечивание народов в их внешнем устройстве и обычаях <...> Культура добавляет к этому облагораживанию общественного устройства науку и искусство*):

Все выше сказанное позволяет нам понять, что то, что мы легко с современной позиции можем истолковывать как изменение отношения Гоголя к существованию цивилизации, было во многом обусловлено его колебаниями и выбором между различными семантическими аспектами слова.

Уйдя от понимания – скорее в русле французской традиции – *цивилизации* как образования, просвещения, освобождения, наконец, прогресса (обратим внимание, что в переводе Первого философического письма, сделанного А.С. Норовым и Н.Х. Кетчером для журнала «Телескоп» в 1836 г., слово *civilisation* передавалось синонимическими понятиями образование, образованность,

общественное образование, гражданственное образование, материальное просвещение (20,646, 659, 665, 658; 21,74-76)) – Гоголь начинает видеть в ней (и здесь он скорее сближается с немцами) превалирование материального начала над духовным, внешнего над внутренним. Последнее, разумеется, не может в нем вызвать симпатию. Отсюда – в конце 1840-х годов – нередкая контаминация у Гоголя цивилизации и Европы, а также его общее их неприятие.

Но интересно, что те самые откровенно негативные эмоции, которые у Гоголя начинает вызывать цивилизация в 1847 г., уже с середины 1830-х гг. вызывает у него один из окказиональных русских синонимов цивилизации – *просвещение*, связанное в его сознании с Европой и, более непосредственно, с Парижем, о неприятии которого Гоголем писалось уже немало (22,29) (ср. в повести «Рим»: *Вот он, Париж, это вечное, волнующееся жерло, водомет, мечущий искры новостей, просвещенья, мод <...> размен и ярмарка Европы!* (3,т.3,222-223)). Слово «просвещение» и производные от него, появляющиеся на страницах «Петербургских повестей» как особый тип «чужого слова» (ср. в «Носе»: *Один господин говорил с негодованием, что он не понимает, как в нынешний просвещенный век могут распространяться нелепые выдумки* (3, т.3,72)) Гоголь начинает употреблять в «Мертвых душах» уже последовательно иронически и с обязательными материальными коннотациями: *Как в просвещенной Европе, так и в просвещенной России есть теперь весьма много почтенных людей, которые без того не могут покушать в трактире, чтоб не поговорить с слугою...* (3, т.6, 10). Помимо Чичикова, основным «соревнователем просвещения» на Руси слывет чичиковский слуга Петрушка, который имел *благородное побуждение к просвещению, т. е. чтению книг, содержанием которых не затруднялся* (3, т.6,20).

Ироническое отношение Гоголя к просвещению сохраняется и во втором томе «Мертвых душ». Казалось бы, о симпатичном Гоголю персонаже Тентетникове в первой главе говорится: *В общество это затащили его два приятеля, принадлежавшие к классу огорченных людей, добрые люди, но которые, от частых тостов во имя науки, просвещенья и будущих одолжений человечеству, сделались потом формальными пьяницами* (3,т.7, 26). С идеей просвещения Гоголь связывает и облик генерала Бетрищева: *В нем было всё как-то странно, начиная с просвещения, которого он был поборник и ревнитель; любил блеснуть и любил также знать то, чего другие не знают, и не любил тех людей, которые знают что-нибудь такое, чего он не знает* (3,т.7, 38). Школу нормального просвещенья помещик обустроивает в своей деревне Кошкарев (3,т.7,62). И, с другой стороны, о просвещении мечтает человек-дряню Николашка, сын помещика Петуха (*Вот сыновья тоже уговаривают, хотят просвещенья столичного*) (3,т.7, 50).

Складывается такое впечатление, что в знаменитой и, казалось бы, откровенно комической тираде Собакевича, направленной против просвещения (*Толкуют — просвещенье, просвещенье, а это просвещенье — фук! Сказал бы и другое слово, да вот только что за столом неприлично* (3,т.6, 99)), равно как и в реакции Чичикова на планы Петуха переехать в столицу (*А как просветятся там у ресторанов да по театрам, — всё пойдет к чорту. Жил бы себе, кулебяка, в деревне*) (3,т.7,50)) – комизм лишь внешнего порядка. На самом деле, за ним – дорогая Гоголю мысль, которую в «Мертвых душах» он открыто выразил лишь однажды: а именно, во втором томе, в авторских размышлениях о Костанжогло: *Ведь досадно то, что русской характер портится. Ведь теперь явилось в русском характере донкишотство, которого никогда не было. Просвещенье придет ему в ум — сделается Дон-Кихотом просвещенья, заведет такие школы, что дураку в ум не войдет...* (3,т.7, 68).

Казалось бы, также и в «Выбранных местах» Гоголь к просвещению остается непримирим, как непримирим он становится в эти годы и к его синониму-галлицизму цивилизация: *...дремлет ум наш среди вялой и бабьей светской жизни, которую привили к нам, под именем просвещения, пустые и мелкие нововведения. Страхни же сон с очей своих и порази сон других. На колени перед богом, и проси у него Гнева и Любви! Гнева — противу того, что губит человека, любви — к бедной душе человека, которую губят со всех сторон и которую губит он сам* («Предметы для лирического поэта в нынешнее время») (3,т.8,281).

Но именно на этом фоне комически-саркастического отношения к просвещению совершенно неожиданным кажется то переосмысление, которое получает у Гоголя понятие в статье «Письмо к В.А. Ж.....му», собственно, этим словом так и названной – «Просвещение»:

Мы повторяем теперь еще бессмысленно слово “Просвещение”. Даже и не задумались над тем, откуда пришло это слово и что оно значит. Слова этого нет ни на каком языке; оно только у нас. Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей церкви, которая уже почти тысячу лет его произносит, несмотря на все мраки и невежественные тьмы, отовсюду ее окружавшие, и знает, зачем произносит. Недаром архиерей, в торжественном служении своем, подымая в обеих руках и троесвещник, знаменующий троицу бога, и двусвещник, знаменующий его сходящее на землю слово в двойном естестве его, и божеском и человеческом, всех ими освещает, произнося: Свет христов

освещает всех! Недаром также в другом месте служенья гремят отрывочно, как бы с неба, вслух всем слова: “Свет просвещения” и ничего к ним не прибавляется больше» (З,т.8,285).

Противоречит ли здесь Гоголь сам себе? Или же резко меняются его взгляды на проблему? Думается, что в полной мере ни то, ни другое. Как представляется, логика здесь иная: Гоголю удастся, наконец, почти в конце жизни, развести два окказиональных синонима, образовавшихся в русском языке, — *цивилизацию* и *просвещение*. Пока слово «цивилизация» означало для него лишь воспитание, образование, улучшение нравов, он мог употреблять его нейтрально и без раздражения. Но как только в его звучании послышалась «миссионерская» амбиция, появившаяся, как мы уже видели, во Франции с начала XIX в., слово возмутило его чрезвычайно.

В слове же «просвещение», которое в середине 1830-х и начале 1840-х гг. гораздо теснее было связано в его сознании с европейской цивилизацией, чем само слово «цивилизация», он к концу жизни услышал внутреннюю его этимологию, и тем самым – внутреннюю логику. И, услышав, обрадовался, разведя слова «просвещение» и «цивилизация» так, как в Германии в это же время стали различать «культуру» с ее нравственными и духовными коннотациями - и «цивилизацию» с ее коннотациями материальными. С той только разницей, что немецкое *Kultur* было связано с нравственным деланием в жизни светской (*profan*). Гоголь же в конечном итоге связал свое *Просвещение* с жизнью духа и жизнью церкви. Последнее и позволило ему примириться со словом и пропеть ему в конце жизни дифирамб, предав одновременно анафеме его французский эквивалент.

И не об этом ли явлении писал в 1863 г. Ю.Самарин: *Давно и искренно желали мы выразуметь, что именно подразумевается под словом цивилизация, так недавно вошедшим у нас в моду <...> и почти совершенно вытеснившим из употребления слово просвещение. <...> Если мы отбросили одно слово, притом слово коренное русское и, по замечанию Гоголя, не переводимое ни на какой европейский язык, <...> то надобно предполагать, что произошло недаром <...> Не оттого ли <...> понадобилось нам слово цивилизация, что мы сохранили какое-то бессознательное уважение к слову просвещение, и что нам становилось как будто совестно употреблять его по мере того, как самое понятие мельчало, грубело, пошло?* (23,542,546)

И об этом же вспомнил в 1912 г. архиепископ Никон (Рождественский) в статье «Гипноз всеобщего обучения», вписав гоголевскую антитезу цивилизация–просвещение уже в проблематику своего времени. *Вспомните, – писал он, – как определял наш великий Гоголь понятие просвещения. <...> Для жизни не столько нужно обучение, сколько воспитание, и во всяком случае – воспитание в христианском духе есть само по себе добро, а обучение само по себе ни добро ни зло* (24,186).

1. Велижев М. «Цивилизация» и «средний класс» // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 104.
2. Europäische Schlüsselwörter. Wortvergleichende und wortgeschichtliche Studien. Bd. III. Kultur und Zivilisation. – München, 1967.
3. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. – М.; Л., 1937–1952.
4. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. – М., 2009. – Т. 3.
5. Mirabeau V.R. L'ami des hommes ou traité de la population. – Avignon, 1758.
6. Mirabeau V.R. L'ami des femmes ou traité de la civilisation. – Paris, 2009.
7. Benveniste E. Civilisation. Eventail de l'histoire vivante. Hommage à Lucien Fèvre. I. – Paris, 1953.
8. Moras J. Ursprung und Entwicklung des Begriffs der Zivilisation in Frankreich (1756-1830). – Hamburg, 1930.
9. Condorcet. Vie de Voltaire.
10. Raynal. Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes. 1770. Т. 10. Livre 19.
11. Cousin Victor. Cours de l'histoire de la philosophie moderne. Т.1. – Paris, 1847.
12. Сталь Жермена де. О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями. – М., 1989 (пер. В.А. Мильчиной).
13. Staël Mme. De la littérature coinsidérée dans ses rapports avec les institutions sociales // Oeuvres complètes. Т. 4. – Paris, 1820.
14. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. – М., 2007.
15. Guizot F. Histoire de la civilisation en Europe. – Paris, 1853.
16. Curtius. Die französische Kultur. – Stuttgart, 1930.
17. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. – Алматы, 2004.
18. Buchenau Artur. Kultur und Zivilisation // Festschrift für Paul Natorp. – 1924.
19. Humboldt W. Ueber die Kawi-Sprache auf der Insel Java (Einleitung). – Berlin, 1839.
20. Чаадаев П.А. Полное собрание сочинений и избранные письма. – М., 1991. – Т. 1.

21. Асоян Ю., Малафеев А. Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX и начала XX веков. – М., 2000.
22. Ерофеев В.В. Французский элемент в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. – М., 1988. – Т. 47, № 1.
23. Самарин Ю.Ф. По поводу мнения «Русского вестника о занятиях философию, о народных началах и об отношении их к цивилизации // Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. – М., 1996.
24. Архиепископ Никон. Православие и грядущие судьбы России. – М., 1994.